

**Военно–политический конфликт
в период пребывания Карла XII в Турции (1709–1714)
по неопубликованным источникам**

История отступления шведского короля Карла XII в Турцию в 1709 г. и пребывания его в Османской империи около 4 лет хорошо известна историкам. Однако некоторые аспекты этого сюжета ускользнули от его исследователей. Имеются в виду военно–политические контакты шведов с Крымским ханством во время их вынужденного пребывания на юге, вдали от театра Северной войны. Эти сведения содержатся в ряде неопубликованных источников, использованных в данном докладе.

Особое значение для понимания событий 1709–1713 гг. имеют более ранние политические связи Швеции и Крыма. Первое упоминание о контактах двух столь далеких друг от друга народов, находим под годом 1556. Тогда речь шла о совместном выступлении против усилившегося русского соседа, его активизировавшейся военной активности, равно опасной для Швеции и Крыма. С аналогичной целью посещало Стокгольм посольство Мухаммеда-Гирея II и в 1579 г., но обе эти дипломатические акции оказались безрезультатными. Пытались заключить военно-политический союз с Крымом шведские короли Юхан III, Сигизмунд III и Густав II Адольф.

Характерно уже для раннего этапа истории шведско-крымских отношений стремление ханов вести эту политику *самостоятельно*, независимо от турецкой и даже иногда в ущерб последней. Так, Джаныбек-Гирей II (1610–1623, 1627–1633), собрав по требованию султана 30-тысячную армию для персидского похода, решил отправить ее не на Кавказ, а на помощь шведам. С другой стороны, Ислам-Гирей III (1644–1654) призывал королеву Кристину помочь Крыму, Украине и Польше для совместной борьбы с Москвой¹.

В эпоху Северной войны момент самого первого контакта с шведским королем Девлет-Гирей II (1699–1702, 1708–1713, 1716) нам неизвестен, но уже в 1702 г. хан мог предъявить султану свою дипломатическую переписку со шведами и запорожцами относительно антирусского союза с ними.² Впрочем, Порта, уже имевшая выгодный ей мирный договор с Петром I, ответила на этот проект хана категорическим запретом.

Ободрѣнный безнаказанностью, Петр I выстроил ещё одну крепость, Каменец, уже на бесспорно крымской территории, в 50 часах езды от Ор–Капу (Перекоп). Значение Каменца как базы для экспансии было понятно, в частности, польским современникам этих событий: «А для того, чтобы город этот мог им служить защитой и прибежищем в военное время, они переступили границы Крыма и наполнили город людьми, оружием и пушками в изобилии».³ Девлет-Гирей писал в эти месяцы султану: «Все народы знают и всем известно, что они (т.е. русские – В.В.) ищут предлога и способа, как бы отнять у нас землю нашу и властвовать на Чёрном море полными хозяевами» (там же).

Султан Ахмед III (1703–1730) не только не придал значения предостережению хана, но и публично обозвал крымскотатарских политиков «изобретателями и лжецами». Видя это Девлет-Гирей прибег к последнему средству и отправил к султану группу московских пленников. «Те рассказали последнему, что они в самом деле намереваются завоевать всю землю Крымскую...».⁴ Порта игнорировала и этот аргумент.

Тогда Гирей решился на отчаянный шаг. Считая, что враждебное Крыму кольцо далее может лишь сужаться, он выступил против силы, мешавшей ему это кольцо разорвать, — против Турции. Хан собрал огромную рать из собственно крымских и ногайских татар, ему обещала помочь и Сечь, но туркам удалось опередить выступление

союзного войска — в 1702 г. Девлет-Гирей был низложен. Вышедшие было за Перекоп крымскотатарские конники вынуждены были тогда разойтись по домам.

Новый хан, Селим-Гирей (1702–1704) также вступил в политический контакт с противниками России. Весной 1704 г. польские полководцы Г.Любомирский и А.Синявский, уже полгода ведшие переговоры с ханом, могли сообщить своему союзнику, шведскому королю Карлу XII, что хан согласен в нужный момент ударить по войскам Петра I с юга. В июле Любомирский представил шведам письмо Селим-Гирея от 23 июня 1704 г., в котором эти планы были изложены более конкретно. Более того, хан сообщал, что он уже начал подготовку к их осуществлению, направив своего посланника к султану за разрешением активных действий против России.⁵ Однако вплоть до самой смерти хана (декабрь 1704) таких действий не отмечено – возможно, из-за нежелания Турции нарушать мир с Россией.

Весной 1705 г. очередной хан, Гази-Гирей (1704–1707), сообщил Иосифу Потоцкому, воеводе польского в ту пору Киева, о своём согласии поддержать шведов в борьбе с царём Петром.⁶ Однако, в послании крымских татар по-прежнему подчёркивалось, что для участия в войне против России на стороне шведов и поляков хану необходимо согласие султана Турции, чего пока не имелось.

Союз с Бахчисараем приобрел в глазах шведов актуальность лишь весной 1708 г., когда началась их российская кампания. Вновь ставший ханом Девлет-Гирей II, тепло принял шведского гонца и немедленно начал готовиться к походу, обеспечив себе для этого поддержку запорожских казаков. Более того, он через своих стамбульских друзей склонял к совместному выступлению султана, а также содействовал сближению польского короля Станислава и Сечи. Поэтому к началу 1709 г. Крым мог уверенно обещать Швеции помощь уже собственным войском, в которое входили нашедшие в Крыму приют после разгрома К. Булавина 8 000 казаков под руководством Игната Некрасова.⁷ Об этом состоялись предварительные шведско-крымские переговоры в ставке И.С. Мазепы.⁸

Таким образом политика хана в очередной раз разошлась с курсом Стамбула — к тому времени султан Ахмед III занял целиком нейтральную к русско-шведской войне позицию. И если шведы выбрали в Восточном походе путь не на Санкт-Петербург и не на Москву, а на Украину, то это лишь в расчете укрепиться за счет татар и казаков, а никак не турок. Но открыто декларировать свое неповиновение султану хан Крыма пока не решался. Весь 1708 г. он никак не мог двинуться с места – и всё по той же, старой причине категорического запрета турецкого султана, не готового к войне с Россией даже силами своего крымского вассала.

Весной 1709 г. шведы сообщают Девлет-Гирею, что Сечь с ними заодно, и спрашивают о видах и сроках помощи из Крыма.⁹ В целом же шведы были в такой помощи уверены: «Мы стоим на пути, по которому татары обычно ходили на Москву. Теперь они пойдут туда с нами»,¹⁰ – такие письма шли в Стокгольм из шведской армии на Украине весной 1709 г. Уверенность шведов в помощи крымских татар вскоре стала ещё больше – султан наконец согласился на выступление Девлет-Гирея, а в начале мая и в самом Стамбуле началась погрузка пушек и боеприпасов на корабли – Турция отправляла их на всякий случай поближе к Украине.¹¹ Казалось, ничто не могло помешать осуществлению плана двойного удара по войску Петра I, задуманного шведским королем и крымским ханом заодно с казаками Сечи и Дона. А ведь угроза была нешуточная: если под Полтаву Карл XII привел 17 000, а Петр — 40 000 солдат, то татарское войско превышало 40 000 – и это не считая его союзников-казаков. И это войско могло склонить чашу весов в пользу шведов.

Тем не менее план Гирея был сорван.

Той же весной царь отправился в Азов, где стал демонстративно вооружать свой флот и строить новые военные корабли, явно готовясь к захвату проливов. Турки, естественно, были возмущены такой подготовкой к нарушению Константинопольского договора. Султан начал переговоры с Петром, направив в Азов, где тогда находился царь, своего кападжи-пашу, чиновника, представлявшего при бахчисарайском дворе персону самого султана. В результате этих встреч Петр не только сжег на глазах у турка свой Азовский флот, но и передал ему крупную сумму золотом и отпустил с ним совершенно безвозмездно большую группу пленных янычар.¹²

В чем был смысл этого малообъяснимого, казалось бы, поступка царя?

Вполне очевидно, что Петр пока не был уверен в превосходстве своей армии в сравнении с силами Девлет-Гирея, Карла XII и султана. Поэтому он решил подкупить одного из противников, чтобы разорвать враждебное кольцо. До того он уже пытался передать деньги хану, но недооценил целеустремленность Девлет-Гирея — тот с презрением отклонил такое предложение.¹³ Позже царь направил в Бахчисарай дворянина В.Блеклого, снова с деньгами и с письмами канцлера Г.И. Головкина и посла в Турции П.А. Толстого, в которых предлагалось выдать некрасовцев на расправу. Но хан и это предложение отверг, хотя по Константинопольскому договору должен был поступать прямо противоположным образом.¹⁴

Но если крымский татарин отказался торговать интересами своей родины, то в совершенно ином качестве проявили себя турки. Был куплен кападжи-паша в Азове; с такой же легкостью П.А. Толстой купил великого визиря Чорлулу-Али-пашу и других придворных в Стамбуле*, и султан тут же

*Всего в Стамбул было отпущено 5 500 рублей золотом и на 10 000 рублей собольих шкур.¹⁵

направил в Бахчисарай категорический запрет выступления крымцев против России. Второй важный пункт султанской грамоты запрещал хану принимать запорожцев в крымское подданство.¹⁶

Как известно, в том же 1709 г. Запорожская Сечь была фактически ликвидирована Петром; успевшие уйти от расправы казаки спасались в Крыму и Турции. Узнав об этом, султан, очевидно, утратил веру в возможность победы над русскими и снова запретил хану вмешиваться в северные дела. Иным было настроение у Гирея — он пускает в ход интригу, прося помочь ему сераскира Бендер, одного из турок, бывшего его политическим единомышленником и обладавшего большим весом при султанском дворе. Сераскир вошел в контакт со Стамбулом, и вскоре великий визирь сообщил ему, что султан одобрит выступление Крыма, но лишь в том случае, если Турции будет гарантирована какая-то выгода в случае победы шведско-татарского сил. То есть, если Карл XII и Девлет предварительно заключат с Турцией договор, согласно которому мир с царем они не подпишут, пока в трактат не войдет пункт об ограничении дальнейшего продвижения русских на юг. Согласно турецким и шведским источникам, Турция более всего опасалась сепаратного шведско-русского мира — тогда она осталась бы с Россией один на один.¹⁷

Весть об ответе Турции пришла к хану, когда он вопреки указу султана уже вывел свою конницу к Днепру, разбив по пути несколько русских городков.¹⁸ Затем крымское войско разделилось надвое, причём меньшая часть остановилась в Кобыляках, а большая прошла к р. Самаре. Но здесь татары остановились, ожидая решения вопроса о новом договоре. Шведы передали свое согласие на предложение султана, хан — тоже. Но пока турки вели эту мелочную торговлю, русские воспользовались в отсутствие татар своим более чем двойным численным превосходством: грянула Полтавская битва и разом все перевернула. Впрочем, крымскотатарская рать оставалась в своём лагере на берегу Днепра до августа,¹⁹ неизвестно чего ожидая. Скорее всего, хану попросту не

верилось, что полтавская катастрофа необратима; возможно, он надеялся, что всё ещё можно исправить, что Карл и Мазепа ещё вернутся, ведя за собой уцелевших казаков, шведов и янычар – как знать?

Между тем шведы медленно двигались в южном направлении, к Днепру, вдоль правого берега Ворсклы. Примечательно, что уже из первой турецкой крепости, где Карл остановился после полтавского разгрома, из Очакова, он шлет своего постоянного представителя О. Клинковштрёма в Бахчисарай. Король не без оснований полагал, что хан первым пойдёт ему навстречу в дальнейшем: ведь Девлет-Гирей был единственным в Европе правителем, интересы которого в отношении России *полностью* совпадали со шведскими и который никогда не торговался с королем, а предлагал свою помощь на любых условиях. Карл не ошибся: хан остался на тех же позициях и после Полтавы (в противоположность Стамбулу, предоставившему королю без армии приют, но всячески затягивавшему деловые переговоры). В августе 1709 г. Девлет-Гирей предлагал (снова в обход Турции!) все свое войско, чтобы помочь Карлу пробиться в Померанию, где стояла крупная группа шведских войск.²⁰

Прежним остается отношение хана и к России, перед которой после Полтавы начинают заискивать иные державы. Он отказался от любых переговоров с петровскими дипломатами, когда те в августе 1709 г. прибыли в Бахчисарай якобы для укрепления мира. На самом же деле они «...с присущей этой нации дурацкой дерзостью [mit der nation ordinaire dumdreistigkeit] предложили хану выдать Его Величество (т. е. Карла – В.В.) и казаков, находящихся в Крыму».²¹ Более того, по некоторым авторитетным свидетельствам Пётр предлагал хану вообще переметнуться в русский лагерь, обещая ему золотые горы: «...я тебя облагодетельствую, я поставлю тебя начальником над великой Тартарией в земле Казани, многочисленным народом, над которым ты будешь полновластным правителем».²² Естественно, петровским посланцам в Бахчисарае, по выражению Клинковштрёма, «тут же заткнули рот и отослали назад».²³

В 1710 г. в Крыму ведет переговоры новый посол Швеции Свен Лагерберг — снова о заключении союза и снова с участием уцелевших от побоища казаков, которых осталось немало и на Украине, и в Крыму. В помощь С. Лагербергу, для лучшей координации действий был послан лейтенант К. Скадер – последний почти постоянно находился при нуреддине хана, на Кубани.²⁴ Одним из первых предложений, которые С. Лагерберг услышал от Девлет-Гирея, была инициатива о союзном крымско-шведском договоре, естественно, в обход стамбульского двора. Узнав об этом, Карл XII выразил живейшую заинтересованность, изъявив лишь пожелание привлечь к будущему союзу и казаков бывшего генерального писаря Сечи Филиппа Орлика, который «как полководец обладает чрезвычайно высоким авторитетом во всей Европе».²⁵

Одновременно обсуждалась и проблема возвращения Карла XII из Турции в свою армию, стоявшую в Померании. Хан снова предлагал 40 000 войска в качестве «эскорта» королю, который должен был пробиться сквозь беспокойные или прямо враждебные ему европейские земли; Гирей не страшила даже австрийская армия.²⁶ Это было, мягко выражаясь, многовато для сопровождения монарха в любой, самой опасной ситуации. Хан явно рассчитывал поучаствовать в первом же ударе шведской армии, обретшей своего славного короля-героя, на восток. И этот план был совершенно прозрачен для всех – как сторонников, так и противников хана.

Такого рода помощь, предложенная им своему шведскому союзнику, выявляет взгляд Девлет-Гирея на перспективы дальнейшей политики противников Петра. Хан безусловно придерживался всеобщего (и, в целом, верного) мнения о короле шведов – великом полководце, но слабом, если не бездарном, политике. Девлет-Гирей считал, что место Карла – в главной армии Швеции, от которой его отделяла добрая тысяча миль, а не в Турции, от которой и более квалифицированные бахчисарайские политики не

могли добиться хотя бы *разрешения* принять участие в боях шведов на Украине. Король должен был стать во главе своего основного войска, донныне не знавшего поражений и проявить во всём блеске сильную сторону своей незаурядной личности, ведя шведов от победы к победе, а не тупить перо в бесплодной переписке с султаном. Эта идея хана, при всей её несложности, была пока недоступна Карлу.

Проведав об этих замыслах крымского владыки, встревожился царь Петр. Не возражая против *турецкого* эскорта, он послал в Стамбул протест против крымского сопровождения, понимая, чем грозит ему появление нескольких десятков тысяч татар в Польше или Северной Германии. Султан, согласившийся было на план Гирея, протест царя отклонил. Но тот выставил ультиматум: если король не будет удалён из Турции, то русские войска тут же пойдут с Украины к турецким границам, вдоль которых возведут свои крепости. Султан счел себя оскорбленным подобным вмешательством в его внутренние дела, а хан, раздувая гнев «владыки мира», склонял его к объявлению России войны. И вскоре она действительно началась, известная Русско-турецкая война 1710-1711 гг. Причём целиком по инициативе Девлет-Гирея, о чём знала вся Европа, проникавшаяся всё большим уважением к незаурядному политическому дару этого государя.²⁷ Он же и начал военные действия, вступив на Украину вместе с находившимися в Крыму шведами, украинцами, донскими и кубанскими казаками.

В конце декабря 1710 г. Девлет-Гирей во главе основной группы своего войска (40 000 сабель) за 22 дня достиг р. Самары, с ходу взял Новосергиевскую крепость, а затем, воспользовавшись растерянностью русских – и крепость Водолагу. Подойдя к Харькову, хан несколько задержался в ожидании подкрепления со стороны своих кубанских подданных–ногайцев. Однако Петру удалось натравить на ногайские кочевья орду союзного ему калмыцкого хана Аюки, после чего кубанским татарам стало не до походов – нужно было своих спасать.

В то же время ханский наследник, калга-султан продвигался всё дальше на север Правобережной Украины. Его почти 40-тысячное войско было усилено 5 000 польских противников царя и почти тысячей шведов. Кроме того, не менее важную политическую роль играло участие в походе запорожского генерального писаря Ф. Орлика.* Дело было не только в том, что под его

*Именно на встрече с Ф. Орликом в Бендерах Девлет-Гирей и Карл XII разрабатывали план войны на Украине. Ф. Орлик должен был активно содействовать всеукраинскому восстанию против оккупировавших страну русских. Хан брал на себя (в качестве конечной цели будущего похода) задачу ликвидации воронежских военно–морских верфей и освобождения томящихся там 5 000 пленных шведов.²⁸

командой находилось 8 000 казаков. Огромное значение имела и популярность ближайшего сподвижника бывшего гетмана среди украинского населения в целом. И этот выдающийся политик сумел найти нужные слова, обращаясь к соотечественникам с призывом бороться, не щадя сил, против «московской неволи, сломания прав и вольностей войсковых, несказанных тягостей, налогов и мучительства».²⁹

В новом 1711 году в войсках антирусской коалиции начались разногласия. Когда хан в январе разбил свои походные стоянки в нижнем течении Днепра и у Казикермена, то запорожцы Ф. Орлика, нарушив договорённость, туда не явились. После чего хану ничего не оставалось, как вместо совместного удара в направлении мощной группировки русских, оборонявшей Воронеж, удовлетвориться захватами мелких крепостей (всего в этом походе было разорено несколько городов и 200 деревень русских новопоселенцев), да отправкой в Крым пленных, которых к концу марта набралось 10 000 человек.³⁰ А затем домой вернулось и само ханское войско.

Месяцем раньше, 23. 02. 1711 г., Пётр подписал «объявление» насчёт начинаемой им войны с Турцией. Одновременно царь делал попытки переманить на свою сторону

беев, мурз и вообще весь народ собственно Крыма и запереконские орды, предложив им предать своего государя, соблазняя их при этом какими-то «свободами» и другими благами, которых и природные-то русские никогда не имели, а в противном случае грозя страшными репрессиями.³¹ Понятно, что крымские татары, народ, и так, в принципе, свободный, на царские обещания не поддался. Не нашлось даже отдельных, единичных предателей.

Калга Мухаммед-Гирей и молдавский господарь Д. Кантемир (последний – с собственным войском) должны были пока оставаться в Правобережье, где к находившемуся в их ставке польскому гетману Потоцкому стекались со всего региона антирусски настроенные поляки («станиславчики»). Но этот процесс был сорван, так как основная часть войска калги внезапно пошла также восвояси, заскучав в столь затянувшемся безделье. В результате поляки перестали переходить на сторону Потоцкого, да и собравшиеся было шляхтичи пошли напопятную, решив, что без крымскотатарского войска игра с москвитями становится слишком опасной. Когда Карл XII, обеспокоенный таким развитием событий направил хану 22 апреля 1711 г. соответствующую грамоту, тот тут же послал к калге и Кантемиру гонца с жёстким указанием вернуть ушедших было воинов назад, в походные лагеря, обменять пленников и тем «исправить принесённое зло, которое идёт против Бога, людей, и моих приказов».³²

Итак, на Правобережье чисто военные операции надолго прекращаются. Зато растёт оживление вокруг готовящегося турками захвата Азова и Таганрога. Когда же в июне 1711 г. Азов был блокирован турецкой армией, то Девлет-Гирей не только послал турецкому командующему экспедиционным отрядом Измаил-паше 200 000 дукатов, но и 7 000 мешков хлеба казакам, чтобы те могли оперативно выступить на помощь турецким их союзникам.

Основные русские силы двинулись на юг ещё в феврале 1711 г. (донские казаки несколько раньше), а после того, как петровские солдаты устроили в турецком городке Исаки страшную резню,³³ из Стамбула на север отправилось подкрепление приграничным гарнизонам и полевой армии – 18 000 янычар с 500 пушками. Девлет-Гирей с 21 января находился в разорённом Казикермене, поджидая казаков, с которыми уже была договорённость о совместных действиях. Но те внезапно заупрямились – Ф. Орлик требовал от хана клятвенного обещания освободить (после окончания кампании) всю Украину от русских и поляков, чтобы казакам можно было спокойно владеть своей страной.³⁴

Между тем медлить было нельзя. Вопрос был в том, кто первым придёт к Дунаю – русские или турки с крымскими татарами. Пётр планировал соединиться на берегах реки с молдавским и валашским господарями, после чего, полагал он, турки со страху рассеются. Однако не столь уж и крупная (4 дивизии) русская армия с её громадным обозом была медлительна и неповоротлива; переправы даже через малые речки отнимали массу времени. Поэтому османы успели не только подойти к Дунаю раньше царского войска, но и переправиться на северный берег. Русские войска, подтянувшись 5 – 9 июня к Пруту, дальше идти не осмелились, так как их обозы и основной корпус постоянно тревожили конники Девлет-Гирея. И, что ещё важнее – крымские татары не только вели неусыпное наблюдение за всеми манёврами русской армии, немедленно сообщая о них турецкому командующему, но и полностью отрезали русских от тылового снабжения (Kuraf, 1939, 113). Петровские фуражиры из страха перед летучими отрядами крымскотатарской конницы не осмеливались удаляться ни на шаг от маршевых колонн, поэтому перешедшая турецкую границу армия вскоре стала страдать не только от бесхлебицы, но и от жажды (лето 1711 г. было на редкость жарким и сухим).

Попытка русских объединёнными усилиями форсировать Прут, чтобы продолжить движение к Дунаю, не увенчалась успехом, прежде всего оттого, что неприятель (главным образом 50-тысячный сводный корпус крымского калги) «...жестоко нам в марше мешал» – признавался сам Пётр.³⁵ Последнее нападение такого рода произошло, когда русская армия была уже у Прута, то есть в первых числах июля. Тогда хан и его бей Осман-ага «нанёс неприятелю сильное поражение, взял многих в плен, привёз множество добычи, так что [оба они] приобрели великую славу на этой войне...».³⁶ Понятно, что эта битва помешала русским переправиться через Прут. Кроме того 09. 07. 1711 г. турки успели форсировать эту реку выше по течению и обошли русскую армию с севера. А далее последовало известное событие – Прутский котёл, где едва ли не главную роль сыграло 50 000 конников под командованием Гирея. Утром 10-го царь выстроил своё войско в каре и, бросив обоз, пошёл медленным маршем, ведя непрерывный огонь из ручного оружия, на расположение крымского войска, надеясь прорваться на север. Однако конные и пешие татары, поддержанные относительно немногочисленной янычарской кавалерией, сдерживали русское войско, пока оно не выдохлось и за час до заката солнца не отступило практически на старые позиции. В целом за весь этот бесконечно долгий летний день «...царь не прошёл и 1 мили, так что он осел почти на том же месте, спиной к Пруту, в виде треугольника с кавалерией и артиллерией вдоль фронтальной стороны его. Когда янычары, которые в тот день маршировали 6 часов кряду, к вечеру прибыли [в расположение крымских татар], то произвели салют – первый настильно, второй – в воздух... и наступила ночь. Но работа не прекращалась и ночью, и к утру лагерь Петра был окружён кольцом траншей».³⁷ Ловушка захлопнулась.

Итак, забредшие вглубь одной из излучин Прута, русские оказались в окружении. В эти дни шведский посол писал Карлу XII: «С сердечной радостью сообщаю, что царь с его армией... у Прута траншеями и пушками так окружён, что, что если Бог особо не захочет наказать нас, то по человеческому разумению оттуда уже никто не выйдет».³⁸ Положение окруженцев, действительно, было безвыходным. Количественное соотношение сил противостоящих сторон было следующим. Число турок равнялось 100-120 000, войско крымских татар – 35-40 000 и с ними 8 000 запорожцев. То есть всего блокаду царского войска держало около 150 000 человек пеших и конных, поддержанных артиллерийским парком в 407 стволов.

Количество русских окруженцев известно более точно – 38 236 человек и 122 пушки (на начало блокады). Другими словами, соотношение сил было приблизительно 1 к 4 или к 5. Естественно, не в пользу нападавшей стороны, теперь превратившейся в обороняющуюся и жестоко страдавшую от нехватки боеприпасов и ещё более – провианта и воды.

Туркам предложили вступить в переговоры. Но против этого яростно выступал Девлет-Гирей, логично считая, что выпущенное из окружения войско и, прежде всего, сам Пётр, в будущем вновь станут постоянной угрозой для Крыма, да и Турции тоже. Поэтому он предлагал взять царя в плен, – так были бы решены все назревшие проблемы.³⁹ Более того, он писал в Стамбул письмо за письмом, обвиняя визиря в непоследовательности и чуть ли не предательстве общих интересов.⁴⁰

С огромным трудом его удалось склонить к согласию на участие в переговорах. И хан тут же составил требования, которые в данном случае были уместны: русские должны были отдать всё завоёванное ими с начала войны, в том числе крепость Азов и недавно построенный на ханской земле порт Таганрог, а также все остальные новые крепости. Кроме того Петр должен был гарантировать своё невмешательство во внутренние и внешние дела Польши и Запорожской Сечи. Как оказалось, позже именно эти разработки хана и легли в основу Прутского мирного договора 1711 г.

Готовясь к мирным переговорам, Турция рассчитывала вернуть себе (и только себе) всё, утраченное по Карловицкому миру. Девлет-Гирей полагал необходимым разрушить несколько южнорусских городков и взять с царя обязательство прекратить их воздвижение впредь. Ф. Орлик постоянно настаивал, чтобы великий визирь султана включил в мирные условия жёсткое разделение украинских и русских земель государственной границей, а также требование, чтобы Пётр возвратил всех украинских казаков и крестьян, насильно угнанных на жительство в московские земли. Карл XII предложил принудить царя к прекращению агрессии на Балтике и возвращению шведских Ингерманландии, Лифляндии и финских земель.⁴¹ И, судя по всему, царь уже был готов на что угодно, лишь бы его выпустили из ловушки. Он соглашался вернуть всё по требованиям султана, хана и шведского короля, кроме узкого выхода на Балтику (устье Невы), то есть был готов расстаться с огромными территориями, завоёванными в Азовских походах и Северной войне.⁴²

П.П. Шафиров пообещал визирю огромную взятку, если тот пойдёт на мировую. Обещание это не подействовало. И тогда не царь, а Екатерина предложила созвать военный совет для поиска выхода. К этому сюжету можно относиться как к легендарному, апокрифическому, но не исключено, что события разворачивались именно в том порядке, как они изложены современниками Прута, прежде всего Ф.И. Соймоновым – петровским капитаном, позднее сенатором и историографом эпохи, автором рукописной «Истории государя императора Петра Великого».⁴³ В пользу последнего предположения, между прочим, говорит дальнейшие поступки будущей императрицы, относящиеся к исторически бесспорным: они были зафиксированы не только Соймоновым.

К ним относится, в частности, совместное с П.Шафировым выступление Екатерины на военном совете против плана прорваться силой сквозь окружение. Отмечена ещё более замечательная её инициатива после того, как с ней и вице-канцлером согласились остальные участники того исторического совещания. Не только Ф.И.Соймонов, но и другие современники Петра, близко знакомые с событиями Прутского похода, указывают, что предложенный Екатериной туркам выкуп за освобождение армии и царя со свитой, за выпуск всей русской армии из окружения первоначально (в первой половине дня 10 июля) не был принят.⁴⁴

Б.П. Шереметевым было отправлено одно письмо, оставшееся без ответа, затем второе. Наконец, визирем были приняты П.Шафиров и ещё двое парламентариев, снабжённые царской инструкцией, которой им разрешалось в крайнем случае жертвовать всем мыслимым и немыслимым, вплоть до освобождения Россией всех завоёванных в Северной войне территорий, причём не только в Причерноморье, но и в Прибалтике.⁴⁵ Или, как царь уполномочивал Шафирова: «...ставь с ними на всё, чего похотят, кроме шклявства (рабства), и дай нам знать конечно сегодня, дабы свой десператной путь могли с помощью Божиею начать».⁴⁶

Все попытки смягчить Балтаджи Мегмет-пашу были тщетны: он знал, что через день-другой все русское добро и так перейдет в его распоряжение. Но вот наступает 11 июля и великий визирь, *не услышав ничего нового* по сравнению с прежними предложениями, неожиданно соглашается принять дары и дать русским полную свободу. Причём на гораздо более выгодных условиях, чем те, о которых речь шла выше. Например, Балтаджи не настаивает на территориальных уступках. Были и иные «послабления»: если раньше турки настаивали на непременной выдаче им предателя Кантемира (причем были «весьма упрямы»), то теперь они об этом законном требовании забывают, едва русские заявили, явно для всех лживо, что князь бежал.⁴⁷

Ф.И.Соймонов не раскрывает тайны этой внезапной перемены в настроении и планах могущественного турка, как молчат и остальные авторы воспоминаний или

исследований этого странного эпизода в российской истории. В рукописи Соймонова приводится объяснение, которое своей неубедительностью как бы призвано пробудить мысль читателя к самостоятельным поискам истины: некий подчинённый визиря (кяхья Осман-ага) якобы «действия у везиря произвел такое, что принял он потом посланного договор...»⁴⁸. Более того, не только кяхья и Балтаджи меняют гнев на милость. Их примеру следует весь огромный вражеский лагерь, окруживший русских.

Начались взаимные посещения, чуть ли не братание, воцарилась праздничная, буквально ярмарочная атмосфера: «приходили сами турки в лагерь российской для продажи запасов своих, так что военной лагерь переменялся тот час в веселый ярмонг...»⁴⁹. Осчастливленный Балтаджи лично от себя, и совершенно бесплатно отослал царю и царице для раздачи по их усмотрению множество мешков с рисом, сахаром, хлебом, крупами и даже кофе.⁵⁰ А потом неудачливых завоевателей и в самом деле отпустили с миром. И те ушли стройными рядами, под сенью покрытых славою, распущенных знамен, под барабанный бой, сохранив не только личное оружие, но и пушки...

Итак, Мехмет-паша Балтаджи, получив сокровища, в число которых входили все личные драгоценности Екатерины, принял единоличное решение отпустить русских. Сохранилось свидетельство польского дипломата Понятовского, лично видевшего, как в ночь с 11 на 12 июля из русского лагеря к ставке визиря проследовало 7 тяжело груженных возов.⁵¹ Это и была плата за освобождение побеждённого противника. Перемирие было заключено на смехотворных условиях: русские расставались с Азовом, обязывались скрыть Таганрогскую и Каменно-затонскую крепостцы, а также не вмешиваться в польские дела и более не требовать у хана его друзей-некрасовцев. И это было всё!

Надо отдать должное Девлет-Гирею и Карлу. Они были единственными, кто яростно протестовал вообще против переговоров с русскими, утверждая, что трофеи, в том числе и золотые, и так *никуда не денутся*. Хан имел и политические основания к отсрочке переговоров. Он настаивал на вызове к Пруту не только Ф. Орлика, но и киевского воеводы И. Потоцкого с тем, чтобы они выставили Петру свои, украинские требования (судя по более ранним программам этих политиков, требования свелись бы прежде всего к обязательству царя очистить Украину, предоставив ей полную и гарантированную зарубежными посредниками независимость от России). Хан поддерживал и Карла XII, требуя предоставить королю статус равноправного участника переговоров.⁵² Другими словами, Гирей представил на переговоры готовый проект создания многосторонней системы, гарантированной международным трактатом, единственно способной предотвратить более чем возможную агрессию России на черноморском и балтийском направлениях в будущем. Тем не менее программа Девлет-Гирея была Портой отвергнута без каких-либо объяснений или обоснований.

Как резонно указывает турецкий историк, в тот период «...для османов было обычным делом рассматривать другие народы – также и мусульманские, но прежде всего крымских татар – как неполноценные, и знатные господа из Стамбула теперь не скрывали своего отношения к хану как к пятому колесу в телеге походной ставки» Балтаджи Мехмет-паши.⁵³

В такой обстановке мнение Девлет-Гирея, ранее при дворе столь веское и значимое, теперь игнорировалось. Очевидно именно поэтому на переговорах не было уделено никакого внимания Крыму, интересам крымских татар, собственно и добывших Прутскую победу. Более того, дабы уменьшить в условиях замирения крымскотатарское влияние до минимума, визирь приказал калге (без ведома и согласия хана!) накануне подписания договора отправляться с войском домой. В турецком диване, заседавшем в эти часы, открыто говорилось: «Если русские отдадут нам наши крепости, зачем тогда

продолжать лить кровь? Зарубив 40 000 окруженцев, всех московитов всё равно не уничтожишь».⁵⁴

Итак, в конечном счёте всё победила несравненная османская алчность – визирь и его чиновники, положив русские деньги и ларец с царициными золотыми побрякушками в свои бездонные карманы, стали хлопотать о подписании мира. И 12. 07. 1711 г. первый вариант Прутского договора, этот памятник человеческой слабости был подписан визирем. При этом Балтаджи был настолько счастлив, заполучив царские сокровища, что по собственной инициативе распорядился отослать в русский лагерь множество мешков с рисом, кофе, сахаром, хлебом и крупами.⁵⁵

Затем перемирие было подтверждено безвольным и вялым Ахметом III. Уже после подписания султаном трактата, в Стамбул прибыл посланник Девлет–Гирей, который в очередной раз раскрыл суть всего произошедшего при Пруте. О том же говорил и Карл, чьи планы быстро покончить с Северной войной были сорваны визирем. Теперь снова, уже задним числом, султан стал упрекать Мехмет–пашу Балтаджи, почему, дескать, тот не поторговался ещё хоть пару дней, можно было бы ослабить русских, заставив их отдать Карлу всё, захваченное Петром в Прибалтике и т.д.⁵⁶ В конечном счёте получение русского золота у Прута стоило этому лукавому царедворцу жизни, в чём, кажется, основную роль также сыграл крымский хан.**

** Ганноверский исследователь, работавший с турецкими документами, описывает этот драматический инцидент в следующих чертах. Когда Девлет–Гирей покидал, после подписания договора, дворец султана, Ахмет III вышел его проводить – жест, кстати, вполне обычный в отношениях двух монархов. Неожиданно хан, уже садившийся на коня, вынул ногу из стремени. На вежливый вопрос о причине медления он ответил, что не покинет Порог Счастья, не получив головы великого визиря. Султан не стал спорить из-за такого пустяка и через несколько минут голова Мехмет–паши была предьявлена Девлет–Гирею. После этого хан, вполне удовлетворённый, поднялся в седло и двинулся в путь.⁵⁷

Для ханства Прутский был вроде бы выгодным (Россия возвращала Азов и другие крепости и земли), но только на первый взгляд. Девлет–Гирей понимал, что содержащееся в договоре запрещение дальнейшего продвижения русских на юг – лишь временная отсрочка их наступлению. Оно могло бы быть остановлено соответствующим договором с Россией. И поэтому Гирей неоднократно пытался разжечь огонь войны Турции и Крыма с Россией, пока не поздно. Лишь пользуясь тем, что Петр ведёт тяжёлую Северную войну и можно было заключить более надёжный турецко-русско-шведский мир, желательно гарантированный одной-двумя сильными европейскими державами.

Однако влияние хана прежнего значения пока не обрело. В Крыму обострилась внутренняя обстановка, вновь против Гирея выступают его ногайские эмиры. Кроме того над Крымом всё тяжелее нависает турецкое давление – в Керчь и другие города перебрасываются крупные янычарские отряды.⁵⁸ Петровский посол в Стамбуле П. Толстой, непрерывно выплачивавший крупные суммы новому великому визирю, муфтию, капудан-паше, матери султана и многим другим, сумел добиться от Ахмета III приказа хану выслать из Крыма С.Лагерберга – а ведь этот швед был последним связующим звеном между Гиреем и Карлом XII, с которым в Бахчисарае по–прежнему связывали надежды на сотрудничество в борьбе с Россией.

Очевидно, какие-то проекты в том же направлении по–прежнему разрабатывались и в ставке шведского короля. Прошло немного времени после того, как С. Лагерберг со своими помощниками покинул Крым, как в Бахчисарай прибыл новый посол Карла, Г. Лютteman. Хан с радостью встретил его, начались весьма перспективные переговоры, естественно, в глубокой тайне от османского двора. Однако

через какое-то время их пришлось прервать. Они стали невозможны сразу по двум причинам. Во-первых, туркам удалось что-то пронюхать насчёт сепаратных шведско-крымских переговоров, и султан прислал исполненную открытых угроз грамоту с требованием немедленно выслать и этого шведа. Но ещё более серьёзной причиной провала миссии Г.Люттемана стали новые неудачи политики хана в Молдавии и Валахии, связанные с переходом господаря Д. Кантемира на сторону Петра.

И, наконец, всё более отчётливо проступило общее недовольство турок пребыванием короля Швеции в Порте, которое в конечном счёте вылилось в акцию вооружённого насилия, получившее в исторической науке собственное имя *Калабалык* (тур. сутолока, заваруха) – наряду с такими, к примеру, событиями, как Варфоломеевская ночь, Стокгольмская кровавая баня или Бостонское чаепитие.

Нижеследующий эпизод из истории рассматриваемой эпохи заслуживает внимания не только как пока практически неисследованный сюжет, имеющий самостоятельную фактографическую ценность, но и в качестве характерного примера невнимания историков к роли крымских татар в критические моменты истории всего черноморского региона. Значение личной политики Девлет-Гирея в истории *Калабалыка* прояснится в дальнейшем изложении материала, а здесь приведём господствующее в науке мнение, увы, не соответствующее истине, хоть его и высказывает один из самых объективных и эрудированных специалистов по данной теме. Этот автор говорит о Калабалыке как о сражении, завершившем долгий политический диалог и произошедшем «между шведским королём и его окружением [с одной стороны], и турецкими войсками [с другой]». ⁵⁹ Как мы видим, здесь совершенно игнорируется роль главных героев этого важного события – хана Девлет-Гирея и его соотечественников, находившихся в те месяцы в Бендерах.

Политическая катастрофа 1711 г. – а иначе хан не мог оценивать Прутский договор – заметно сказалась и на крымско-шведских отношениях. Хан ясно видел то, чего по-прежнему не мог постичь Карл XII, остававшийся в известном смысле слова идеалистом до последних дней жизни. В очередной раз они встретились в обстановке строгой конфиденциальности ровно через 10 дней после заключения мира для того, чтобы обсудить дальнейшие совместные действия. Судя по записям присутствовавшего на этой встрече С.Лагерберга, она напоминала не столько переговоры двух государей, сколько беседу много повидавшего, умудрённого нелёгким жизненным опытом старца с довольно самонадеянным и упрямым молодым человеком.

Карл XII по-прежнему, как и в 1709 г., полагал, что он в состоянии довести до успешного окончания свою политическую акцию при османском дворе – а именно, склонить султана к совместному выступлению против России, предварительно заключив шведско-крымско-турецкий договор о неподписании с русскими сепаратного мира до тех пор, пока Пётр не примет условия всех трёх потенциальных союзников.

Хан же, прекрасно видя, насколько недалёк его собеседник как политик, несколько необеспечен он поддержкой других европейских potentатов и, что ещё важнее, насколько трудно вести дело с османскими двором, муфтиатом, султаном, янычарскими и иными начальниками, всем этим клубком амбициозных, эгоистичных и нечестных, насквозь коррумпированных личностей и группировок, был, очевидно, на 99% уверен в неизбежности провала политических проектов шведского короля, в совершенной утопичности поставленной им задачи. Король по-прежнему мог быть полезен для общего дела, в актуальности которого ни у кого, даже у султана, не возникало сомнений, а именно, для обуздания России. Вопрос был, таким образом, не в направлении деятельности Карла, а в области конкретного применения его кипучей энергии, национального энтузиазма и блестящих способностей. Но проявить эти качества он мог отнюдь не в душных покоях Адрианопольского дворца или в

бюрократическом центре Порты – имперском Диван-Сарае, но на полях больших и малых сражений, где равных шведскому королю-рыцарю в те десятилетия просто не было.*

*Множество источников говорит о том, что Карла с его болезненно-прямолинейным и честным характером, часто невыносимым и для европейцев, плохо понимали на Востоке. И только крымский хан оказался достаточно мудрым, чтобы пренебречь различиями не только в вере (для крымскотатарского шариата эти различия были малозначимы), но и в характере. Недаром именно хану (а не великому визирю, как полагалось по протоколу) было поручено успокоить шведского короля и сопроводить его из Бендер в расположенную неподалеку дер. Варницу – Карл после Прутского соглашения турок с Петром находился в состоянии почти невменяемом.⁶⁰

Другими словами, Девлет-Гирей лучше самого короля знал, где именно деятельность Карла будет наиболее эффективна, где он более всего нужен (в том числе и в интересах Швеции). И в этом не было никакого парадокса – нередко ситуация, в которой оказывается даже незаурядная личность, гораздо отчётливее просматривается со стороны, чем изнутри. Именно поэтому в ходе беседы хан недвусмысленно обращал внимание короля на тот факт, что султан на протяжении всей Прутской эпопеи ни разу не вспомнил ни о взаимных обязательствах (пусть документально и не оформленных, но неоднократно выражавшихся и Ахмедом III, и Карлом XII, и Девлет-Гиреем), ни о чьих-либо, кроме своих личных, интересах, включая и долговременные интересы Турции.

Поэтому, продолжал Гирей, если из Стамбула в самом ближайшем будущем не последует никаких новых предложений для короля, то Карлу необходимо возвращаться к своим войскам, и чем скорей, тем лучше. Сам же хан не ждёт для себя здесь никакой благодарности за содеянное, но лишь смещения и ссылки ещё до возвращения в Крым – турки уже установили круглосуточную слежку за ним и его приближёнными.⁶¹ Со всеми этими точными наблюдениями, логичными выводами и разумными рекомендациями могли согласиться многие, но не Карл, одной из характерных черт которого было невероятное упрямство. Слова старика он фактически игнорировал, доказав это дальнейшими своими безрассудными поступками.

В будущем ситуация могла лишь обостриться. Царь, обязавшийся по пункту II Прутского трактата вывести войска из Польши, отказывался делать это, ссылаясь на то, что турки вопреки тому же договору держат якобы близ польских пределов злейшего врага «порядка» в Польше Карла. По той же причине русские отказывались оставить причерноморские крепости. Кроме того среди турок и крымских татар разошёлся в те недели слух (не исключено – искусно пущенный османскими царедворцами), что Карл бросил свою державу на произвол судьбы, шведы отказались от своего короля, а сама «бесхозная» и частично оккупированная Швеция уже в этом году войдёт в состав России. При этом, естественно, освободятся основные вооружённые силы Петра, занятые на европейском театре, которые с удвоенной силой ударят по Турции и Крыму.

Правдоподобие этой политической версии отчасти подтверждалось в дальнейшем. Карл совершенно бесплодно проводил в Турции год за годом, в то время, как его балтийские владения планомерно превращались русскими в зону выжженной земли, а национальная армия столь же регулярно истреблялась. Слухи эти привели наконец к тому, что удаления короля из Порты стали требовать янычары, потом остальная армия, а затем и беспокойные городские массы.

Такие настроения ослабляли и Турцию и Крым, причём настолько явно, что в августе 1711 г. Девлет-Гирей не выдержал и заявил Карлу XII вполне ультимативно, что если тот не уберётся домой добром, то хан «станет к нему в афронт, и непременно следствием сего будут великие беды».⁶² Король это мнение игнорировал. Но весной 1712 г, после подписания окончательного варианта Прутского договора, напряжение в

отношениях хана и короля несколько ослабло. Возможно, этому содействовало возрастание общей опасности: русские снова стали готовиться к агрессии на юг, нарушая основные условия Прутского трактата, в частности, приступив к строительству новой мощной крепости на р. Самаре в качестве опорного пункта. Русский посланник в Турции вице-канцлер П.П. Шафиров сообщал в апреле, что Карл «неусыпно с приятelmi своими ханом и французским послом» следит за российскими акциями такого рода и побуждает султанский двор к ответным мерам.⁶³

Наконец, Карл сообщил своим сподвижникам, находившимся в Бендерах, что решил вернуться в свою армию ранней зимой 1712-1713 гг. Но тогда же выяснилось, что король не может покинуть Порту если бы и хотел, – теперь уже поляки решили пропустить его лишь в том случае, если его будут сопровождать турки, а не татары, и сама заявка насчёт свободного прохода через территорию Польши поступит из Стамбула, «а не от Хана, о котором они ведают, что он им неприятел, а швецкому королю друг». О том же визирю по наущению П. Шафирова говорили английский и голландский послы в Стамбуле, Р. Саттон и Я. Кольер, а именно, что «поляки никогда на то не позволят, чтобы король швецкой яко их неприятел с великим числом войск, а особливо татарских яко хищников через их землю ехал».⁶⁴ С другой стороны король резонно отказывался пересекать польскую границу, пока оттуда не будут выведены русские войска, опасаясь захвата в плен или даже покушения⁶⁵ – Пётр на такие дела был, как известно, мастер. А то, что русские по-прежнему не уходят из Польши, всё лето 1712 г. в Стамбул исправно сообщали крымскотатарские агенты на территории Речи Посполитой. Когда хан в сентябре подал султану очередную такую сводку, то терпение турок достигло предела, и даже недруги Карла и хана в один голос заговорили о том, что если русские в ближайшие недели не покинут Польшу – «быть войне непременно».⁶⁶

Так и вышло. На заседании 31 октября 1712 г. великий диван принял решение об объявлении России войны «за многие ею несодержания последнего мирного договору». Впрочем, уже тогда высказывалось чётко обоснованное мнение о том, что за объявлением войны стоял не кто иной как Девлет-Гирей, имевший в правительственных кругах Турции не только врагов, но и единомышленников: «Причина нарушения мира не учинилась от инаго, токмо от Хана крымского, как разглашают сами турки» – сообщал царю его тайный агент в Порте.⁶⁷ О том же писал в своем сочинении «Рации» П.П. Шафиров. Он объяснял такой успех крымского властителя не воинской силой или финансовыми возможностями, но единственно талантом, умом и политической негибкостью Гирея: «Хотя эти варвары (то есть, турки – *V.V.*) и безумны, и непорядочны, однако сильны, многолюдны и безмерно многоденежны и ныне имеют благовременство, ибо имеют таких учителей, которые все интересы и силу не только Российского государства, но и всей Европы знают и им непрестанно внушают... Король шведский хотя и не умён, но при нём есть несколько министров и генералов умных; Орлик и прочие изменники... сведущи о всём внутреннем состоянии государство Его Величества, а им всем промотор [букв. «продвигатель вперёд», «развиватель» – от *лат. promovio*] и ходатай хан нынешний крымский, человек преострый...».⁶⁸

Но объявление войны не означало ведения военных операций, их и не было отмечено на протяжении всей зимы. Причиной тому были как необычные холода, так и крайняя непопулярность новой войны во всех слоях турецкого населения – от простых людей до высшей администрации, включая и армейскую. Более того, возникла опасность вызванного военным положением мятежа – как писал домой посол П.А. Толстой, «...противу султана великая бунта вщияется».⁶⁹ По совокупности этих и иных причин султан стал склоняться к возобновлению мира с царём, не доводя дело до кровопролития. В ту же зиму Девлет-Гирей активизирует свои контакты с сечевиками,

возобновляется постоянная переписка,* а Карл, получивший значительную сумму от своих

* Писем того периода практически не сохранилось. В одном из них, отправленном из Ковшан 27. 01. 1713 г., где хан именуется «ласковым патроном (т.е. покровителем – В.В.)» своего адресата-кошевого «со всем войском запорожским», содержится прямое указание на то, что Гирей планировал использовать сопровождение шведского короля на родину как средство добраться до района боевых действий на театре Северной войны, где можно было бы принести реальную пользу участникам антироссийской коалиции, совершив новый поход на восток: «...пребывая в готовности до похода вольного, ждали мы особливо выхода короля швецкого через Польшу». И ещё одна информация, содержащаяся в этом источнике – поскольку Карл медлил с возвращением, в Малороссию из Крыма был послан (незадолго до отправления письма) некий Мегметша-бей, которому было поручено «...отобрать от вас (т. е. казаков – В.В.) из всего войска совершенную рать для будущих походов, а куда точию то можно решить, собрав между собою [крымско-украинскую] Генералную Раду».⁷⁰

французских союзников, жертвует по 500 талеров на курень, шлёт табуны коней и т.д., также явно рассчитывая на политическую и военную поддержку запорожцев в будущей кампании.⁷¹

Короче, взаимопонимание хана и короля было полным, подготовка к выезду Карла шла своим чередом, и никто в ее реальности не сомневался. Но такое решение проблемы явно не устраивало Августа II, которого при мысли о новом появлении могучего врага в Польше не могли не охватить самые тяжёлые предчувствия. И он начинает по собственной инициативе переговоры с ханом, склоняя того к предательству. Как указывает Ф.И. Соймонов, в Бахчисарай отправляется некий Ломарь, польский полковник, с предложением Девлет-Гирею согласиться на сопровождение шведского короля, а в Польше скрутить шведа и выдать головой то ли Августу, то ли Петру.⁷² Понятно, что для Гирея такой поступок был немыслим сразу по двум причинам, равно веским: во-первых, хан был человеком слова, а Карла считал своим другом; во-вторых, такая акция чудовищно усилила бы основного врага Крыма – царя Петра, так что в Крыму решиться на неё мог бы только слабоумный.

Ломарь был ханом прогнан, через месяц вернулся, его опять с позором выдворили за Перекоп. Но нашлись люди, которые сообщили Карлу, что хан замыслил сдать его на милость врагов, как только эскорт пересечет северную границу Турции. Голштинский посланник сообщает в своих мемуарах, что услышав эту клевету в январе 1713 года, Карл сразу и полностью в неё поверил и разорвал с ханом все отношения.⁷³ Ф.И. Соймонов даёт до сих пор *нигде не встречающееся* объяснение такому легковерию: люди короля перехватили некоего «курьера», а у него нашли шифровку от Флеминга к Девлет-Гирею, подозрительно легко (при отсутствии ключа) прочитанную, где о предательском сговоре упоминалось как о деле решённом (ОР РНБ, там же, л.24).* Искренне недоумевавший хан пытался

*Сомнения в подлинности этого странного письма тогда же высказали канцлер Карла XII Мюллерн, его казначей Гротгаузен и голштинский посланник Фабрис,⁷⁴ да и сам Ф.И. Соймонов указывает, что те письма содержали совершенно двусмысленную информацию, то есть поддающуюся двоякому толкованию: «в таких двояких игор в генеральных (то есть, предельно общих – *В.В.*) изображениях составлены были, что трудно было выразуметь, такое ли было толко короля Августа намерение, чтоб турков от шведской стороны отвлещи, или того желалось, чтоб хан при провозждении Каролуса в Польшу саксонцам его выдал».⁷⁵

объясниться с королём, но тот был настолько оскорблён «предательством», что, по удовлетворенному замечанию П.П. Шафирова, уже в беседе с бывшим другом «порывался до шпаги».⁷⁶ Гирей не мог поверить, что его блестящий план рушится по столь глупой причине. 5-го февраля он в последний раз предложил королю свой сорокатысячный эскорт, тот снова отказался в оскорбительных выражениях – и хан отступился.

При этом он даже согласился принять от Ахмеда III хат-и-шериф (полномочную грамоту) поступать с вновь отказавшимся ехать, то есть выступившим против воли султана королем по своему усмотрению. Имелось в виду, что если Карл будет «...им, хану и сераскиру (бендерскому, Исмаил-аге – *В.В.*) вооруженной рукой противиться, чтобы его тех подданных (то есть, шведскую свиту и лейб-гвардейцев – *В.В.*) и его самого без всякого изъятия до смерти побить».⁷⁷ Тот же П. Шафиров сообщает, что хан «...осердился и осадил короля татарами и приказал, чтоб никакого харчу ему не давали и не возили», так же как и самое необходимое – питьевую воду. Оставшийся окруженным в доме-крепости собственной постройки, Карл заявил в ответ, что будет до тех пор «...борониться, пока мочь будет, а ежели невозможно будет ему борониться, то

восемь бочек пороху, которые при себе имеет, хочет король зажечь и дымом к небу ити».⁷⁸

Здесь, очевидно, тот самый случай, что требует сравнения источников: невольно возникает вопрос, как мог хан отказать шведам в еде и питье, которыми их уже не первый месяц снабжал не он, а бендерский сераскир? И уж если кто и мог запретить дальнейшее снабжение шведов, то высший в те дни начальник из находящихся в Бендерах, а именно султанский посланник Ахмед-паша. Рассказ Ф.И. Соймонова следует целиком в русле этой логики. В его рукописи говорится, что именно паша Ахмед «...того ж дня отрешил он даванные королю провизи», приказав покинуть лагерь в Варнице всем туркам, полякам и казакам, которые повиновались, уйдя в Бендеры. То есть, два источника дают взаимоисключающую информацию, и здесь был бы полезен третий, способный склонить весы адекватности в ту или иную сторону.

Такой источник имеется. Спустя какое-то время после Калабалыка в русском плену оказался один из его участников, янычар Али Абдулла. Фельдмаршал Б.П.Шереметьев, прознав об этом, оценил важность такого свидетеля бендерских событий и отослал турка к Петру. Там Али Абдуллу допросили и отправили назад. Но ещё позже бывшего янычара снова повезли на север, видимо, снова понадобились какие-то уточнения по Калабалыку. В результате допросов выяснилось, что в Бендерах властью обладал именно Девлет-Гирей, а не кто-либо иной. Хан снял янычарскую стражу вокруг заблокированного шведского городка, содержащихся в Варнице казаков отправил в какое-то молдавское село, а польским дворянам-эмигрантам, находившимся в ставке Карла XII, предложил перейти от поддержки Потоцкого в политический лагерь дружественного шведам Я. Сапеги. При этом он вручил им письменную гарантию безопасности их пребывания в Турции и обещал добиться о Августа II решения о их прощении. Наконец, он вручил Карлу ультиматум о немедленном выезде за пределы империи.

Как видно, хан Крыма играл в Бендерах куда более видную роль, чем тот же Ахмед-паша, не говоря уже о местном сераскире. Собственно, здесь не было ничего удивительного, так как оба последних были всего лишь чиновниками, слугами султана, а Девлет-Гирей – великим ханом, который своим падишахским (чингизидским) достоинством формально превосходил не только пашу, но и султана Ахмеда III. Наконец, как сообщает Али Абдулла, в дальнейшем именно хан, а не паша, отдал своим татарам, а также туркам приказ к началу штурма, а турецким артиллеристам – к обстрелу шведского дома-крепости.⁷⁹

Таким образом, скорее всего прав П.П. Шафиров, причем Ф.И. Соймонов сам невольно подтверждает информацию последнего. Упомянув об уходе из Варницы янычар, он говорит, что *татары остались*. Эти 10 000 воинов в чём не зависели от турок, у них было в изобилии и питье, и провианта. В ожидании штурма они даже устроили настоящее пиршество, использовав мясо шведских лошадей, забитых Карлом – последнее случилось опять-таки из-за хана, приказавшего прекратить шведам отпуск и фуража.⁸⁰

Наконец, 12 (по другим сведениям 13) февраля 1713 г. ханские войска, усиленные янычарским отрядом направили на группу построек, где укрывались шведы в Варнице, стволы полевой артиллерии. Девлет-Гирей, ещё раз обратившись к Карлу с увещательными словами, не имевшими успеха, приказал дать два орудийных залпа и идти на приступ. Поражённые такой решимостью татар, янычары отказались участвовать в явном убийстве венценосной особы и ушли в Бендеры. Таким образом, в знаменитом Калабалыке действующей силой были, не считая турок-добровольцев, исключительно крымские татары. А когда янычары через сутки по команде сверху вернулись, дело уже подходило к завершению.

Шведы дрались с превосходящими силами противника (за которым стояла, фактически, вся мощь Османской империи!) отчаянно. В день штурма погибли «...многие татары и турки, не только рядовые, но и начальные» – их пало несколько сотен, в том числе «4 аги и мурзы». Но и шведов «...многих прорубили и 300 человек... в полон взяли. А сам король швейской с некоторыми знатнейшими офицерами заперся в своём дворе, хотя по тому двору стреляли и бомбы на него с двух сторон бросали, но не могли онаго до вечера добыть».⁸¹

Штурм длился почти *три дня*. И лишь в ночь на четвёртый, когда «...огонь на дворе короля загорелся (при котором случае хан и сераскир были) в час ночи король швейской от великого жара и чаду принужден был выйтить с 15 офицерами, которые только в живых при сем остались, и взял его в полон один татарин Липка...».⁸² Источник умалчивает, что король был тяжело ранен. История эта имела символическое окончание. Прежде, чем королю предоставили новое место обитания,* он и остальные пленные были

*Дважды раненного Карла XII перевезли в Демотику, замок в сельской местности под Адрианополем, он около года болел и лишь осенью 1714 г. вернулся в свою главную армию.

отобраны у татар янычарами, получившими от султана за каждого шведа законное вознаграждение золотом!

В результате сопоставления всех приведенных выше сведений исследователь не может не остановиться на весьма неожиданном выводе: судя по всему, в ходе Калабалыка (по крайней мере, в его первый, военно-политически наиболее важный день) шведы дрались вовсе не с янычарами, а исключительно с крымскими татарами. Не противоречит ей и соответствующее письмо П. Шафирова, в котором говорится, что янычары в основной своей массе отказались участвовать в бою против короля.

Значение Калабалыка как политической акции было крайне своеобразным. Напомню, что накануне этого события три великие державы очутились в политическом тупике. Пётр не мог вывести, в соответствии с Прутским трактатом, войска из Польши, пока Карл подстрекал турок к войне с Россией, демонстративно отказываясь покинуть Порту. Карл оставался в Турции, резонно опасаясь пересекать территорию Польши, пока там рыщут русские отряды. А Ахмед III не имел возможности насильственно выслать шведского короля (согласно священной шариатской традиции гость – неприкосновенен); с другой стороны Турция была буквально принуждена русскими, открыто нарушавшими Прутский мир (в том числе пребыванием в Польше), к объявлению царю войны, в которой была абсолютно не заинтересована и начало действий в которой откладывала месяц за месяцем.

Такой порочный круг напоминал ситуацию, нередкую на современных дорогах, когда несколько автомобилей не в состоянии разъехаться, мешая друг другу, отчего водителям приходится растаскивать технику вручную. Но в указанной «пробке» начала XVIII в. водители трёх держав оказались намертво заблокированными и самостоятельно разрубить этот гордиев узел не могли. Помощь пришла из Крыма, причём отнюдь не неожиданно. Именно в 1713 г. Девлет-Гирей II в последний раз обретает былой авторитет и политический вес. Как в тот момент, как писал на родину голштинский секретарь Карла, «...исход всего дела будет зависеть от пропозиций крымского хана».⁸³

Конечно, голштинiec не мог предвидеть, что «пропозиции» Гирея сведутся к кровавому Калабалыку, но в целом он попал в точку: хан вывел все три державы из затянувшегося политического клинча, нарушил мёртвое равновесие порочного круга. В результате телега истории покатила дальше: недужного Карла можно было более не опасаться, поэтому Пётр объявил о своём решении уйти из Польши, Турция тут же заключила с Россией желанный мир и т.д.

Это значение похода крымскотатарского хана к далёкому Пруту, а также его контактов с Карлом в Бендерах достойно оценили современники: «Во всём этом многие обязаны Девлет-Гирай-хану, заботящемуся о благе своего народа, так как он доставил все эти счастливые победы и славу, как турецкому народу, так и крымскому».⁸⁴ Остаётся сказать, что вопреки мнению более поздних исследователей, Калабалык не был задуман как сугубо *антишведская* акция и отнюдь таковой не являлся**. **Уже после Калабалыка, в апреле 1713 г. крымский калга Мехмет-Гирей с одобрения хана возобновил набеги на русские города, где томились пленённые под Полтавой шведы. После каждого такого похода Карл безвозмездно получал десятки спасённых солдат и офицеров.⁸⁵

Это была, пожалуй, единственный, оставшийся у Девлет-Гирея, шанс вразумить упрямого шведского короля для его же – и всеобщей – пользы. И хан этой возможностью успешно воспользовался.

- ¹ Возгрин В.Е. Материалы по шведско-крымским отношениям в XVI-XVIII вв. в Архиве ЛОИИ СССР АН СССР // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 9. Л., 1978. С. 320–323.
- ² Возгрин В.Е. Дипломатические связи Швеции и Крыма накануне и после Полтавы // Скандинавский сборник, Т. XXIX. Таллин, 1985. С. 70 (Далее: Возгрин, 1985).
- ³ Лехно, Давид бен-Элиезер. Дебар Сефетаим [Устное Слово]. СПб., 1882. С. 24 (Далее: Лехно, 1882).
- ⁴ Лехно, 1882. С. 24-25.
- ⁵ Nilsson S.A. De svensk-turkiska förbindelserna före Poltava // Scandia, Bd. XXII, h.2. Stockholm – København – Oslo, 1953–1954. S. 117-119 (Далее: Nilsson, 1953).
- ⁶ Backman S. Från Rawicz till Fraustadt. Studier i det stora nordiska krigets diplomati 1704 – 1706. Lund, 1940. S. 136
- ⁷ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1709. Е. х. 2. Л. 369 об.
- ⁸ Nilsson, 1953. S. 141-142.
- ⁹ Nordberg G.A. Leben Karl des Zwölften, Königs in Schweden, mit Münzen und Kupfern. Bb. I – II. Hamburg, 1745-1746. B. II. S. 130 (Далее: Nordberg, 1745).
- ¹⁰ Bref från Olof Hermelin till Samuel Bark, 1702 – 1709. Stockholm, 1913. S. 165.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 89. О. 1709. Е. х. 2. Л. 138
- ¹² Возгрин В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны (история дипломатических отношений в 1697-1710 гг.). Л., 1986. С. 226.
- ¹³ Adlerfeldt C. Karl XII's Krigsföretag. Stockholm, 1919. S. 402.
- ¹⁴ РГАДА. Ф.123. Оп. 1709. Е.х.2. Л. 5-11.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1709. Е.х. 2. Л. 62.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1709. Е.х. 2. Л. 138.
- ¹⁷ Nordberg, 1745. B. II. S. 7-8.
- ¹⁸ Sven Lagerbergs Dagbok under vistelsen hos Tartarhanen Dowlet-Ghierey 1710-1711. Utg. av Magnus Lagerberg. Göteborg, 1896. S. 22. (Далее: Lagerberg, 1896).
- ¹⁹ Det Svenska Riksarkivet. Avdelningen OWK. Tatarika. S. 1 rev. (Далее: SRA OWK).
- ²⁰ SRA OWK. O.Klinkowström – H.Mullern, 17. 08. 1709
- ²¹ SRA OWK, Ibid
- ²² Лехно, 1882. С. 27-28
- ²³ SRA OWK. Ibid..
- ²⁴ SRA OWK. O.Wrangel – H.Mullern, 04. 12. 1711.
- ²⁵ SRA OWK. W, H.Mullern – S.Lagerberg, 18. 02. 1711.
- ²⁶ Lagerberg, 1896. S. 23.
- ²⁷ Об этом см. в: Возгрин, 1985. С. 74.
- ²⁸ Lagerberg, 1896. S. 5; 33
- ²⁹ Война с Турцией 1711 года. (Прутская операция). Материалы, извлеченные из архивов Государственного, Военно-Ученого комитета Генерального Штаба Полковником А.З. Мышлаевским. СПб., 1898. С. 228
- ³⁰ Anecdotes de sejour du Roi de Suede a Bender ou letters de Mr le Baron de Fabrice pour servir d'eclaircissement a l'histoire de Charles XII. Hambourg, 1760. № 12. (Далее: Fabrice, 1760).
- ³¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI. Вып. 1. М., 1962. С. 95-97. (Далее: ПБП, XI, вып.1.)
- ³² Lagerberg, 1896. S. 143.
- ³³ См в: Лехно, 1882. С. 33.
- ³⁴ Lagerberg, op. cit. S. 46-47
- ³⁵ ПБП, XI, вып.1. С. 565
- ³⁶ Лехно, 1882. С. 37
- ³⁷ Lagerberg, 1896. S. 214.
- ³⁸ Lagerberg, 1896. S. 188.
- ³⁹ Kurat A.N. Prut seferi ve barisi. C.1-2. Ankara, 1951-1953. C. I. S. 496-504
- ⁴⁰ Ibidem. S. 645
- ⁴¹ Lagerberg, 1896. S. 202-204.
- ⁴² Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1990. С. 344 (Далее: Павленко, 1990).
- ⁴³ Соймонов Ф.И. История государя Петра Великого. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки, F. IV. 736/4. (Далее: ОР РНБ, F. IV. 736/4).
- ⁴⁴ Павленко, 1990, 342; Соловьев С.М.– Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Кн. I – XIV. М., 1988 – 1994. Кн. VIII. С. 370; Орешкова С.Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С. 126–127 (Далее: Орешкова, 1971).
- ⁴⁵ Соловьев, ук. соч., 370–371.
- ⁴⁶ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России. Т. I–IX. М., 1837–1838. Т. XII. С. 355

-
- ⁴⁷ Выписка из журнала Александра Андреевича Яковлева, находившегося при Императоре Петре Великом во время сражения под Прутом в 1711 году // Отечественные Записки, 1824. №51. Июль. С. 21
- ⁴⁸ ОР РНБ, F. IV. 736/4. С. 269.
- ⁴⁹ ОР РНБ, F. IV. 736/4. Л. 269–269 об.
- ⁵⁰ Kurat A.N. Prutfelttåget och Prutfreden 1711 // Karolinska Förbundets Årsbok, 1939. S.147 (Далее: Kurat, 1939).
- ⁵¹ Kurat, 1939. S. 146.
- ⁵² Lagerberg, 1896. S. 205.
- ⁵³ Kurat, 1939. S. 139-140.
- ⁵⁴ Kurat, 1939. S. 140.
- ⁵⁵ Kurat, 1939. S. 147
- ⁵⁶ Lagerberg, 1896. S. 199, 217.
- ⁵⁷ Haxthausen A., Freiherr von. Studien über die inneren Zustände, des Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. Th. II. Hannover, 1847. S. 417 (Далее: Haxthausen, 1847)
- ⁵⁸ SRA ORW, O.Wrangel – H.Mullern, 20. 11. 1711
- ⁵⁹ Орешкова, 1971. С. 182
- ⁶⁰ Ciobanu V. Les pais Roumains au seul du 18-e Siecle. Charles XII et les Roumains. Bucarest, 1984. P. 95
- ⁶¹ Lagerberg, 1896, S. 191-192.
- ⁶² Lagerberg, 1896, S. 235.
- ⁶³ АСПБии. Ф. ф. 83. К. 18. Д. 198. Л. 22 об.
- ⁶⁴ АСПБии, там же. Л. 26 об. – 27 об.
- ⁶⁵ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1711. Д. 6. Л. 328 об.
- ⁶⁶ АСПБии. Ф. 83. К. 20. Д. 9. Л. 1 – 1 об.
- ⁶⁷ АСПБии. Ф. 83. К. 20. Д. 276 «а». Л. 1.
- ⁶⁸ Цит. по: Соловьев, ук. соч. С. 395
- ⁶⁹ АСПБии. Ф. 83. К. 21. Д. 45. Л. 1
- ⁷⁰ АСПБии. Ф. 83. К. 21. Д. 19. Л. 1-1 об.
- ⁷¹ АСПБии. Ф. 83. К.21. Д. 6 "б". Л. 1 об.
- ⁷² ОР РНБ, F. IV. 736/4. Л. 23 об. – 24.
- ⁷³ Fabrice, 1760. № 59.
- ⁷⁴ ОР РНБ, там же. Л. 24 об.; 31.
- ⁷⁵ ОР РНБ, там же. Л. 24
- ⁷⁶ АСПБии. Ф. 83. К. 21. Д. 20 «б». Л. 2 – 2 об.
- ⁷⁷ АСПБии. Ф. 83. К.21. Д. 50. Л. 1 об.
- ⁷⁸ АСПБии. Ф. 83. Д. 20 «б». Л. 2-3
- ⁷⁹ Артамонов В. Национальный характер и история // Стили мышления и поведения в истории мировой культуры. М., 1990. С. 135.
- ⁸⁰ ОР РНБ, там же. Л. 30
- ⁸¹ АСПБии. Ф. 83. К. 21. Д. 45. Л. 3-3 об.
- ⁸² АСПБии, там же.
- ⁸³ Fabrice, 1760. № 64.
- ⁸⁴ Лехно, 1882. С. 41.
- ⁸⁵ SRA GL. Manuscr. 8.